

КРЕМЛЪ 2222

КРЕМЛЬ 2222

Максим Хорсун

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х82

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

Оригинал-макет разработан редакцией Астрель СПб

Художник — *Александр Руденко*

Хорсун, Максим Дмитриевич.

Х82 Кремль 2222. Замоскворечье : [фантастический роман] / Максим Хорсун. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Кремль).

ISBN 978-5-17-099352-9

Юный дружинник Лан вместе со старшим братом Светозаром отправлен на секретное задание за стены Кремля. Но все пошло не так с самого начала. Предатель нанес удар в спину. В результате Светозар оказался в плену могущественной группировки Замоскворечья, а Лан... снова на Арене. Юный воин вновь вынужден выживать, сражаясь с кошмарными мутантами и отъявленными головорезами для развлечения толпы.

Сможет ли Лан вырваться из смертельных объятий Арены и выручить из беды брата? Ведь на этот раз никто не придет на помощь, и он окажется один на один против Замоскворечья — гиблого края, откуда не возвращаются.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099352-9

© М. Д. Хорсун, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Замоскворечье. Гиблое место испокон веку, откуда не возвращаются...

Д. Силлов «Кремль 2222. Юг»

Похоже, это были живые мертвецы.

Серые лица в синюшных пятнах гнили, выпученные бельмастые глаза, волосы, покрытые плесневым налетом. Рваная одежда, дерганные движения марионеток, глухие угрожающие звуки, вырывающиеся из перекошенных и застывших в трупном окаменении пастей.

Мертвецы приближались, выстроившись широким полукольцом. Плохо гнущиеся в коленях ноги загребали босыми ступнями колючий песок Арены. Пять нелепых и пугающих существ: двое вооружены кривыми, обожженными для твердости кольями, у одного — ржавый меч с волнистым клинком, у двух — дробовики.

Откуда у мертвецов взялось дорогостоящее огнестрельное оружие? Кто разрешил применить его на Арене — вопреки правилам гладиаторских боев и наплевав на безопасность зрителей?

Да и вообще — откуда появились эти молодчики? Лан никогда не видел таких раньше,

до этого момента он полагал, что молва о живых мертвецах — байки из тех, что рассказываются за кружкой пива, и то — не за первой. Впрочем, каких только страхолюдин не рождали изувеченные Последней Войной московские земли. Поэтому удивляться было нечему; враг — есть враг, а дальше все просто: или он тебя — или ты его.

Лан поднял взгляд: над Ареной нависал освещенный дрожащим светом факелов деревянный купол. Снаружи выл ветер, и конструкция содрогалась под ударами шквала, жалобно скрипя. Вдруг на Лана снизошло озарение, он понял что Арена, накрытая куполом, — это неоткрытая разновидность Поля Смерти, и что именно оно, Поле, вдохнуло в тела мертвых мародеров подобие жизни.

Это понимание внезапно окрылило Лана. Почувствовав прилив сил, он шагнул мертвякам навстречу. В его правой руке был меч, а в левой — пистолет ТТ. Почему-то Лана не удивило, что его тоже выпустили на Арену с честно добытым во время похода к маркитантам Арбата трофейным стволом. Раз мертвецам можно с ружьями, то ему — живому — и подавно позволительно.

Он отбил мечом брошенный в него кол легко, словно это был березовый прутик. Выстрелил, целя в посиневшую рожу мертвяка с дробовиком. Пуля своротила покойнику верхнюю челюсть, распухшая голова развалилась на две неравные части, а осколки кости и зубов просвистели над Ареной, словно шрапнель. И сейчас же Лан вскинул руку с мечом и пригвоздил к ограждению следующего зомби.

Чья очередь? Наверное, второго стрелка — лысого и пузатого мертвяка, что целился в Лана, прячась за спинами двух товарищей по беспокойной загробной жизни. Толстый даже после смерти пытался хитрить и подставлять под пули других, нетрудно представить, каким гадом он был, когда его сердце еще билось.

Пистолет и ружье грянули одновременно. На какой-то миг Лан понял, что может разглядеть каждую дробинку, летящую в его сторону. Крошечные шарики блистали в свете вырвавшегося из дула «винчестера» пламени, словно крупные снежинки, в иной ситуации это зрелище могло показаться Лану прекрасным и даже заворачивающим.

Но не сейчас.

Дробь прошла его насквозь, словно он был бесплотным призраком. Ни боли, ни кровотечения, только тяжелое, как бетонная плита, осознание собственного проигрыша и еще — гнетущее предчувствие скорой и неминуемой гибели.

Лан упал на одно колено. Выронив оружие, он уперся ладонями в песок. Мертвецы подошли почти вплотную, Лан увидел возле своего лица зазубренное, покрытое бурыми пятнами лезвие.

Текли долгие секунды, трибуны возбужденно гудели, предвкушая расправу над раненым гладиатором. Внезапно Лан ощутил на Арене присутствие еще одного существа. Он отвел взгляд от острия меча и посмотрел дальше: мимо мертвецов, мимо застывшего на песке зомби с расколотой головой. Дальше, на противоположную сторону ристалища: туда, где дрожали, точно от ужаса, те-

ни, и виднелись разверстые ворота, соединяющие Арену с подземельем, в котором ждали, когда их бросят в бой, свирепые бойцы — люди и нелюди.

Лан увидел хрупкую фигурку, окруженную светом, будто коконом.

Ее тоже нельзя было назвать человеком, хотя внешне она ничем не отличалась ни от благопристойных кремлевских молодок, ни от чумазных девок, живущих в поселке под высокими стенами Арены. Хорошенькая мордашка скрывалась под толстым слоем пудры, румян и сурьмы. На крепких мускулистых руках — наручи с шипами, на ногах, обтянутых тонкой тканью тренировочных брюк — поножи, укрепленные хитином жука-медведя. В кулаках — по стилету: крестообразные рукояти, длинные и тонкие, вроде больших шил, клинки. В глазах — зеленое пламя, похожее на радиоактивное свечение, только ярче.

Мара.

Когда они расставались на затянутой вонючим дымом от горящего «Маунтина» Воздвиженке, Мара выглядела иначе. Она едва держалась на ногах от усталости, ее скромная одежда была черна от копоти и пестрела прожженными прорезами. Стены Кремля были близко — один рывок, и Мара оказалась бы в безопасности среди друзей и родичей Лана. Но она выбрала иной путь, пошла туда, куда ее звал долг и желание восстановить справедливость. С тех пор не проходило ни дня, чтобы Лан не укорил себя за то, что не пошел с ней. Но у него — тоже долг, его жизнь — это служение Кремлю, и в тот день Лан был как никогда

нужен своей общине. В тот день он выбрал свою сторону, и это был верный выбор, но голос сомнений не утихал, и уколы совести оставались такими же болезненными.

Мара приближалась мягким шагом. Зомби, глухо ворча, расступились, получив мысленный приказ не заслонять раненного гладиатора. Лан почувствовал телепатическое прикосновение Мары, и оно оказалось отнюдь не дружественным. Невидимые тиски сдавили ему голову, не позволяя пошевелиться. Лан оцепенел, а Мара тем временем шла все быстрее и быстрее, нацелив острия стилетов на его горло.

«Вот мы и встретились, — услышал Лан внутри черепной коробки чужой голос. — Ты бросил меня! Я осталась одна против всего мира! Предатель!»

И тогда Лан решил, что перед ним — настоящая Мара, ведь настоящую было бы непросто снова заковать в цепи и заставить драться на потеху пьяной толпе. Очевидно, Зона Смерти породила морок, наделив его телепатическими способностями девушки-бойца.

Тем не менее, она была уже близко. На ее бесстрастном, словно отлитом из гипса, лице не читалось ни единого сомнения, и глаза вблизи оказались, как стекляшки: ни жизни в них, ни души. Мара замахнулась...

Усилием воли Лан заставил себя проснуться и рывком сел. Сердце громыхало, словно у фенакодуса после хорошей скачки. Бледный пред-рассветный свет проникал в казарму через пару

узких, похожих на бойницы, окон. Слышалось сопение и похрапывание: дружинники дрыхли. До пробудки оставалось не меньше часа, самое время для крепкого сна и ярких грез. Но куда ему теперь спать? Лана с головой захлестнуло тягучее и назойливое, словно непогашенная изжога, ощущение надвигающейся беды. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтоб остудить голову. Хорош дружинник, если он подвержен паническим атакам. Так не мудрено снова очутиться в пахарях, и во второй раз уже никто не подарит ему возможность выбраться из подземных теплиц Кремля.

Он откинул тонкое солдатское одеяло, сноровисто намотал портянки, сунул ступни в разношенные сапоги. Светозар, спавший на соседней кровати, открыл глаза, хмуро поглядел на младшего брата, затем повернулся на другой бок и снова засопел. Светозара понять было не мудрено: ведь день, а порой и ночь дружинника — это дозоры, тренировки, учебные тревоги. Поэтому, если есть возможность — то надо спать. Или хотя бы не мешать восстанавливать силы остальным.

Лан, стараясь ступать бесшумно, выбрался из казармы. Воздух снаружи пах дождем, а дождь — ржавым железом и гарью. Двести лет прошло с Последней Войны, а небо до конца так и не очистилось, но сейчас хотя бы можно увидеть днем солнце, а при дедах, говорят, вообще были сплошные сумерки, холод, голод и повальный мор.

Брусчатка двора блестела. Мелкие капли — не то туман, не то морось — вихрились на по-

рывистом ветру. Лан вспомнил, что завывания шквала он слышал даже во сне. Это был не первый кошмар про Арену, и, что печальнее, это был не первый кошмар, в котором он встречал Мару. И чем дальше, тем чаще и кровавее становились ночные видения. Наверняка, имелась какая-то причина, заставляющая его видеть такие сны. Какая точно — неизвестно, но вряд ли хорошая. Мара — мутант, мощный телепат, хотя этот дар выжигает ее изнутри. У Лана тоже есть способность к воздействию на мысли живых существ, но умение развито слабо, и его хватает только чтоб усмирять животных. Тем не менее он связан с Марой, а Мара — с ним. Эти невидимые узы возникли, когда они вместе сражались на Арене против головорезов и чудищ. И узы не разорвались, несмотря на разделяющее его и Мару расстояние: десятки километров городских руин, заросших хищными растениями, заселенных мутантами, трупоедами, мародерами, биороботами и Полями Смерти. И сейчас внутренний голос говорил Лану, что Мара нуждается в его помощи... а он даже не знает, в какую сторону идти, чтобы ее догнать. К тому же, никто не отпускал и не отпустит его за стену: в Кремле каждый дружинник на счету.

Лан поднялся по старинной винтовой лестнице на Никольскую башню.

— Здравия желаю, — поздоровался он с парой караульных. Немолодые вислоусые дружинники, кутаясь в мокрые плащи, надетые поверх доспехов, неотрывно вглядывались в мглистые предрасветные сумерки по ту сторону стены.

— Здорово, коли не шутишь, — прозвучало в ответ без намека на приветливость. — Какого тебе не спится?

— Внезапно захотелось воздухом подышать и видом помилиться, — сказал первое, что взбрело в голову, Лан, продвигаясь к выходу на забрало.

— Молодо-зелено, — вздохнул второй караульный, — кабы погода была еще, так ведь нет погоды. Сейчас бы под теплое одеяло, да десятый сон досматривать... — он потянулся, зазвенев кольчугой. — А может, ты съел что-то несвежее? Или девица какая-то сердце покоя лишила? Так ведь? В девице дело?

Лан вздрогнул и потупил взгляд. Да, дело в Маре. Но о ней нельзя было разглагольствовать так легкомысленно, Мара сейчас пробиралась в далекое Одинцово, чтобы выручить сестренку. Мара была с ними одного поля ягода: такой же воин по духу. А еще не хотелось бы, чтоб кто-нибудь из ребят пустил слушок, дескать, дела сердечные мешают сыну пахаря, которого за особые заслуги осчастливили зачислением в дружину, нести службу, как подобает.

— Что ты пристал к парню? — первый дозорный почесал твердокаменную ладонь об дуло пушки, направленной в сторону ГУМа.

— Ступай-ступай, там уже один «милуется видами», — второй дозорный повернулся к Красной площади.

Лан рассеянно кивнул и вышел из-под конической, обшитой броневыми листами крыши на продуваемое ветром забрало. В тот момент ему не

было дела, кому там еще не спится, но когда он увидел русоволосого дружинника, что стоял, сильно ссутулившись и положив руки на зубец стены, то сейчас же проникся сочувствием. Кого-то мучают неприятные сны и предчувствия, а у кого-то конкретная и предельно понятная беда случилась.

— Здравствуй, Денис! — обратился Лан к дружиннику. — Что... — он на секунду осекся, но если сказано «а», значит надо говорить и «бэ». — Так и не вернулось посольство?

— Нет, — буркнул Денис, не отрывая взгляда от предрассветного зеленовато-желтого зарева.

Отец Дениса — Савва — пропал вместе с посольством, отправленным Князем к очередному клану маркитантов за оружием и боеприпасами. В свое время Лану довелось участвовать в подобной операции, тогда община послала его с малым отрядом к арбатским маркитантам за дефицитными медикаментами. Лан на своей шкуре прочувствовал всю тяжесть существования вне кремлевских стен, а также навсегда уяснил, что несколько километров через руины московских улиц — это может быть очень много. Поэтому он прекрасно понимал, какие опасности грозили дружиннику Савве и его спутникам, и, само собой, разделял беспокойство Дениса.

Лан собрался пройти мимо, поскольку явно было видно, что Денис хочет побыть со своими переживаниями наедине, однако русоволосый дружинник вдруг сказал:

— К Князю пойду, сегодня же... — слова давались ему с трудом, словно горло было стиснуто

спазмом, и голос звучал сипло, едва различимо. — Скажу, пусть отправляет меня на поиски. Я найду отца.

Что ж, нормальная реакция. Нормальное требование. Лан тоже взял бы отпуск на месяц и смотался за стену: помог бы Маре разрешить проблемы с нерадивой одинцовской общиной, да вот незадача — не полагаются дружинникам отпуска. Но поскольку пропавшее посольство имело большую важность для Кремля, Лан подумал, что у Дениса есть шансы добиться разрешения на поисковую операцию. В помощи Маре и ее сестре община не заинтересована: Кремль не может спасти всех подряд. А посольство — это свои, своих дружина не бросает.

— Поговори, конечно, с Князем, — сказал Лан опечаленному воину. — Удачи тебе.

— Пойду.. — пробурчал Денис. — Как только солнце встанет — так сразу пойду..

Спозаранку, очевидно, попасть на прием к Князю не получится, хотя... чем черт не шутит. Ладно, Денис, жди рассвета, только построение не пропусти — иначе влетит от сотника по первое число.

Лан посторонился, пропуская стрельцов, вооруженных тяжелыми бердышами, затем отошел в сторону. Москва просыпалась; стывшая мгла над Красной площадью поредела, отползла на близлежащие улицы. Среди руин что-то монотонно рычало, стеноло, полоумно бормотало и вскрикивало. Что-то лишало жизни, а что-то — лишалось. Страшные каменные джунгли непрерывно перетирали челюстями из разбитого асфальта, бетон-

ного лома и трухлявого железа бесчисленное множество существ — мелких и больших, нормальных и мутировавших под действием радиации или Полей Смерти.

Как всегда, Лану почудилось, будто он слышит Арену. Под гулким деревянным куполом грохочут барабаны и бубны, скрипки и флейты выводят дикарские мелодии, а рабы-воины сшибаются в смертельной схватке и льют реки обжигающей крови на присыпанное серым речным песком ристалище.

Почти месяц прошел с тех пор, как Лану удалось вырваться из объятий Арены. Сбежать ему помогли два лучших гладиатора — старый киборг Титан и Мара — девушка-мутант из Одинцово. Втроем они завершили миссию, которая была изначально возложена кремлевской общиной на отряд дружинников. А затем пути беглых гладиаторов разошлись, каждый направился к своей цели.

«Мара!» — мысленно позвал Лан, глядя на золотистый край солнечного диска, показавшийся над уродливыми грудками исковерканного бетона.

Отклик пришел почти сразу. Он походил на прикосновение теплого ветра с запахом яблоневого цвета, — совершенно нетипичного аромата для нынешней Москвы. Из этого следовало, что Мара жива и до сих пор «слышит» Лана. Но больше ничего не понять. Где она? Быть может, она ранена? Быть может, в плену? Быть может, выбилась из сил и погибает, спрятавшись в какой-нибудь норе, вроде старого сырого подвала?